

ЛЮНВОНТЕЛЬ

МАРИЯ НАБАЛКОНЕ

Мария Набалконе Люнвонтель

<https://litres.ru/74417114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некто давно прячется в средневековом замке и кошмарит всех новых жильцов. Со старыми домами такое случается.

Очередные владельцы приводят замок в порядок и привозят странные вещи, явно нужные не для обычной жизни. Тайному обитателю не нравится этот беспорядок. Он готов выжить их, как выживал всех.

Но когда он видит портрет, который явно относится к его истории, он понимает: всё это не может быть случайностью.

Игра меняется. Теперь стены больше не защищают. Они возвращают ему то, о чём он запретил себе вспоминать. Прошрое, перемешанное с клеветой, вскрывает старые раны.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Люнвонтель

Часть 1

Тишина продлилась слишком долго. Я уже начал забывать, каково это — прятаться в тёмной, как безлунная ночь, подсобке. Но сегодня утром я проснулся то ли от шума мотора за окном, который усиливался, а затем заглох совсем близко, то ли от плохого предчувствия. Я почти уверен, что дурной сон разбудил меня ещё до подъезжающей машины. Последнее, что помню, — как я скрываюсь от преследователей в библиотеке моего замка, в спешке раздвигаю книги на полке, где находится тайная ниша, но каждая книга, до которой я дотрагиваюсь, начинает чернеть, обугливаться. В дверь уже ломаются, а я всё ещё не могу освободить доступ к укрытию, ведь сколько ни убираю книги, они всё остаются. И вот я среди сгоревших книг, а дверь не выдерживает...

Оставаться в постели было нельзя, я тут же опрометью сбежал по винтовой лестнице и закрылся в подсобке, задвинув засов изнутри. И вот я опять здесь, привожу пульс в порядок. Теперь я проведу в этом мраке и сырости ближайшие дни, недели, а может, и месяцы. Свободно буду выходить лишь по ночам. Если, конечно, эти жильцы окажутся нормальными, а не как те чокнутые художники, которые устроили богемный притон и засыпали под утро, и то с трудом. Ох

и сбили они тогда мне режим! Пришлось перейти на дневную живность...

Это всё неважно! Мне не впервой прятаться, зато когда жильцы, шокированные моими «подарками», переедут отсюда напрямик в психиатрическую больницу, я смогу снова вернуться в мою мягкую постель.

Вернуться. Я знал, что однажды они вернутся. Откуда? После долгой череды показов, когда по меньшей мере раз в неделю мне приходилось запираяться здесь, вдруг наступил длинный период тишины. И в данном случае затишье после бури означало лишь одно: замок продан. Мой замок...

И находятся же каждый раз те, кто ведутся на сниженную в разы цену, полагая, что им просто повезло. Это просто немыслимо! Одно имя «Люнвонтель» ((*фр.*) — *от lune* («Луна») и *vent* («ветер»)), всё ещё красующееся своими гербами, стоит столько, а тут ещё и замок в придачу... Последние жильцы тоже нарадоваться не могли, что купили целый средневековый замок по цене обычного дома, пока...

Я слышу — они вошли в вестибюль! Ну что же, добро пожаловать в мой дом. Я, как гостеприимный хозяин, не буду вам мешать осваиваться. То, что я вам уготовил, начнётся позже — когда вы расслабитесь и почувствуете себя в безопасности внутри толстых каменных стен.

Вся прелесть толстых стен как раз в том, что если в них будут полости, соединяющие комнаты, или даже этажи, вы даже не предположите их наличие, бросив беглый взгляд на

неровные камни. Я же знаю все неочевидные ходы, скрытые проходы и тайники. А ещё остались старые дымовые шахты, каминны которых больше не топят. Это я к чему? Я могу быть где угодно, а вы и не узнаете, что некий «я» вообще существует. Не хочу хвалиться, но мне действительно удаётся на протяжении десятилетий оставаться необнаруженным и при этом делать своё дело.

Это, можно сказать, я так представился. А что касается вас — чем вы удивите меня, что привезёте с собой? Каждый, поселяясь здесь, уверен в своей оригинальности, но все вы так одинаково любите развесить свои портреты, на которых вся семья якобы совершенно естественно собралась у камина, одетая в королевские убранства, на коленях хозяина книга, белой краской художник нарисовал блеск драгоценностей на женщинах. Тьфу! Я же видел, как эта «дружная» семья даже за ужином собраться вместе не может, книги используют только для гербария или чтобы что-то придавить, а по дому ходят в трусах. Я считаю своим долгом дорисовать грязью пару мелочей — для достоверности.

А уж коллекции, которые здесь устраивают... Я видел, как целые комнаты превращали в витрины для смешных безделушек, ещё бы — им ни за что не уместиться в обычном доме. Аптечные склянки, подумать только... Но было забавно, когда Пузырёк — как я сам прозвал круглого мужика, собиравшего склянки, — не мог понять, кто каждую ночь разбивает по одной. С таксидермистами у меня особые от-

ношения. Вот кого по-настоящему на дух не переношу и кому пощады не будет. Но если вы не потрошите животных, набивая их всяким унизительным мусором, то с вами ничего по-настоящему ужасного не случится. Во всяком случае намеренно.

Интересно, что нового и интересного привезут в сундуках, то есть ящиках, эти владельцы.

Что это за шум? Здесь дети! Только не это, они же развлекают замок лишь одним своим криком! Так, на чём я остановился...

Они привозят сюда несметные пожитки, а потом увозят обратно. Но я здесь остаюсь дольше всех. Никто из рода де Люнвонтель не жил здесь столько, не говоря уже о всех временных хозяевах, — значит, я и есть истинный наследник.

Вот так сюрприз, вы уже здесь! Я слышу, что ваши голоса теперь доносятся прямо из большого зала, от которого меня отделяет старая дверь с щелями между досок. А через замочную скважину я вас ещё и вижу. И у меня хорошее зрение, несмотря на возраст.

Загнанный в тёмную тесную каморку, я буду с жадностью выхватывать ваши подслушанные слова, ведь только так я могу, так сказать, познакомиться с вами и узнать хоть что-то.

— Стол отлично сохранился.

— Конечно, он же не прям семнадцатого века, а намного новее.

— Это не важно. Главное, чтобы он не выглядел совре-

менным.

— Ну и совсем рухлядь нам тоже не нужна, так что стол в самый раз.

— Ах, какая жалость, здесь чем-то выщерблен кусок в столешнице.

— Ничего страшного, это добавит ему ощущения старинности.

С каким недоверчивым прищуром эта женщина осматривает стол! Неудивительно, что она заметила расщелину почти сразу. Хорошо, что стол им нравится. В основном с ним обходились бережно. Но, так уж вышло, ему приходилось неоднократно становиться холстом для моего творчества. И инструментами были отнюдь не кисти. Так же я обошёлся без красок. Однажды они поймут, отчего дерево стола не заживляет свои раны: когда я повторяю свой трюк.

— Думаю, в этом что-то есть. Что насчёт картины, её нужно повесить здесь же, в главном зале. Вот только где?

— Над камином было бы неплохо, но там уже висит герб, что тоже очень важно.

Не смейте трогать герб! О, даже на несколько секунд не повисла тишина: как только эти двое замолчали, пальцы женщины продолжили отображать её мыслительный процесс, отстукивая по столу тук-тук-тук-ТУК-ТУК... А вот и мужчина вышел из-за камина, за которым он доселе скрывался, теперь внимательно осматривает весь большой зал с умным видом, взявшись за подбородок.

— Давай на этой стене, между входом в этот зал и углом, она как раз пустая. А эта маленькая дверь всё равно не ведёт в комнаты, может вообще открываться не будет. И свет хорошо падает.

Очевидно, что он говорил о подсобке, раз жестом указал прямо на мою дверь. Как неприятно, будто он в меня самого ткнул пальцем. Никаких манер!

— Да, и хорошо, что в этом месте она не на виду, если мельком заглянуть в зал. Мы ведь не хотим показывать нашу главную картину сразу.

Какую такую главную картину? Очередной семейный портрет? Как банально, но я им её дорисую, причём совершенно бесплатно — будет поинтереснее! О, теперь эта женщина подходит к двери моей подсобки, конечно, чтобы открыть её — сейчас будет дёргать ручку туда-сюда. Так, надо отойти подальше на всякий случай — вдруг очки её наделяют соколиным зрением.

— Закрыто. Надо будет среди пары десятков поискать ключ от этой подсобки. Здесь пока что всё решено, пошли наверх.

Ну поищи, поищи — ключ-то у меня! Скучным семейным портретом вам меня не удивить, но почему его непременно надо прятать от глаз случайно заглянувшего... кого? От кого вы собираетесь прятать свой шедевр? От курьера или сантехника? Да и непонятно, зачем вам обязательно старый стол, чтобы участвовать в соревнованиях «чья дубовая мебель по-

видала динозавров»? Тогда вам не выиграть.

Дети! Они бегают по винтовой лестнице кругами, их шаги разносятся будто по моей голове, но их родителей это совершенно не волнует, они же наверху, судя по шуму, решают, куда повесить очередную безделушку. Пойду подлезу к люку дымовой шахты — там будет лучше слышно то, что происходит в комнате прямо надо мной, если они будут всё ещё там. За это я и обожаю мою подсобку: оставаясь здесь, меня не увидят, а я кое-что увижу и ещё больше услышу. Настоящее логово шпиона!

— Давай его поставим в этой комнате: она достаточно большая.

— Так может, большую комнату лучше оставить, чтобы использовать более продуктивно? Сюда бы влезло больше кроватей.

— Зачем нам много кроватей в одной комнате, ты что, хочешь позвать целый бродячий цирк? И нельзя недооценивать важность платья — с него начинается всё самое интересное. Предлагаю прямо здесь поставить манекен.

Про цирк она произнесла таким ровным тоном, что, может, даже вовсе не шутила. И если я правильно понимаю, в этом доме отключены вода и электричество, всё в пыли, но им в первую очередь нужны картина и манекен для платья? Они сумасшедшие!

* * *

Какие ранние пташки! Уже здесь, приехали на машине, и

ещё грузовик за собой привели, и теперь выгружают десятки коробок, мешков и чёрт знает чего ещё, завёрнутого в прозрачные плёнки. В прошлый раз они мне показались легкомысленными, но теперь-то я вижу серьёзный настрой: настоящие строители! Посмотрим, не станет ли после их ремонта хуже, чем после бомбардировки.

Всегда забавно наблюдать из окна сначала, как новые владельцы... Ну, конечно, я ни за что не признаю их настоящими владельцами, это чистая формальность, пока я не знаю, как их называть. Уж точно не собираюсь запоминать их имена, поберегу свою голову для более нужных сведений. Так вот... люблю наблюдать, как новые как бы владельцы сначала разгружают и затаскивают миллионы ящиков-сумок, а время спустя — увозят обратно. Обычно все нанимают грузчиков. А эти — жадные? Уж я-то могу понять, что вывоз вещей из проклятого замка, охваченного демонами, стоит втридорога. Но ввоз — почти даром! Если они сейчас скупятся, то придётся, видимо, им оставить всё своё добро у меня с концами. А интересный народ — эти грузчики! Каждый раз одно и то же: заходят, крестятся, шёпотом себе под нос молитвы проговаривают, чтобы не так страшно было, а всё равно идут — ведь заплатили больше. Да, в основном все боялись, но были и двое, которые боролись со своим страхом не молитвами, а нелепым юмором. «В доме демон, говорят, ха! Нам бы в Мадрид такого демона, мы бы его сдавали в аренду хозяевам, чьи дома захватили некто похуже демонов, ха-ха!»

Но я-то почувствовал их выступивший холодный пот на лбу, даже под маской весёлости.

И всё же созерцать, как грузчики, чей страх подкуплен звонкими монетами, грузят вещи и пугаются собственной тени, — особое удовольствие. И в качестве приятного бонуса в спешке они забывают или теряют некоторые вещи, которые становятся впредь моими личными трофеями.

Моя музыкальная шкатулка — она ведь так и появилась. Рыжая девочка, что грызла ногти, так её любила, развлечений других не было, что ли, и как ей не надоедала одна и та же мелодия? Постоянно ходила с этой шкатулкой, а как засобирались — уехала без неё, потому как не нашла. Хотя нет, я вспомнил: спешка и грузчики тут ни при чём... Она не нашла шкатулку, потому что я её спрятал. А нечего было оставлять любимую вещь у камина, близко к огню, она ведь могла сгореть! Кто спас — того и шкатулка. Правда, внутри глупо кружится фигурка балерины в длинном платье — вся эта девичья нежность не для меня. Но это не мешает мне слушать музыку, просто можно закрывать глаза, перед тем как открыть шкатулку. Признаться, другого источника музыки у меня и не было до тех пор, поэтому и это сойдёт. На безрыбье, как говорится...

Сколько всего им потом увозить обратно! Этот замок в неоплатном долгу передо мной, ведь я тот, кто каждый раз, словно рыцарь, спасает его от несметных ящиков и коробок, которые сюда завозят все эти силлогоманы. И позволить мне

жить здесь — меньшее, что я заслужил за свои подвиги.

Быстро они разгрузили грузовик и теперь спешат зайти внутрь. Мне не стоит дожидаться звука проникновения ключа, уже сейчас мне лучше закрыться в подсобке. Так и сделаю.

— Там сильный ветер, не хочу есть сэндвич с песком, если он вообще останется в руках. Давай перекусим в большом зале и продолжим затаскивать коробки.

— Как хочешь, я тогда схожу за сэндвичами и термосом.

Сэндвичи? И это-то «хозяева» целого замка — теперь питаются как прислуга, улучив пять минут между чёрной работой! Как же случилось так, что вересковый мёд в венецианской чаше посреди стола превратился в банку засахаренного мёда из супермаркета в углу закрытого буфета? А разнообразие аппетитных блюд, которыми заставлен стол, заменилось набиванием желудка хлебом с мясной прослойкой для запаха? К моей горечи, я знаю ответ: я сам виноват, что замок потерял свою цену и теперь стал по карману бедным и жадным, которые экономят на комфорте и безопасности. С хозяевами, которые сами себе готовят долго хранящееся подобие хлеба с ломтиком ветчины, замок больше не статусное владение, а просто огромный каменный дом на отшибе. Не то чтобы я питался лучше, я тоже сам себе, так сказать, обеспечиваю пропитание... но я и не на виду — я не роняю в грязь лицо этого замка отсутствием повара. Это не моя работа.

Ладно. Сейчас они будут есть. Не понимаю я этого пристрастия к еде, в которой что угодно может оказаться между двумя кусками хлеба. Например, ветчина, сыр, лист салата и... жук. Ха-ха! В моём деле все методы хороши, а они сами дают мне повод вмешаться в содержимое их завтрака — оставляют еду без присмотра, чтобы сходить за напитком. Не в этот раз, но я уверен, что эти двое любителей сэндвичей не будут прятать свои в сейф, и с ними я ещё повеселюсь!

М-м-м, запах мяса! Поскорее бы они уже закончили свои сэндвичи, пусть дальше таскают ящики. Хоть бы не услышали урчание моего голодного живота сквозь щели. Скрываться столько лет и быть обнаруженным так нелепо — уж лучше мне сразу умереть, чем вынести такой позор!

А ведь были времена, когда я не прятался в подсобке, облизываясь на запахи чужой еды. Когда кладовые ломились от запасов — и часть была рассчитана на меня. Как же беззаботно мне тогда жилось: стоит проголодаться — и мне с заботой подносили пищу. Теперь же приходится сбегать из замка через окно, спускаясь по зарослям плюща, и потом ещё перелезать через высокие стены, чтобы поохотиться в диком лесу. А когда замок заселён, то насытиться становится ещё сложнее: немало сил уходит на осторожность, чтобы не попасться на глаза жителям, и на то, чтобы проследить, что не осталось следов крови по пути в убежище.

Бывает, конечно, что мой хитроумный план требует умышленно разлить пятно, а то и лужу крови, но случайно

оставить её следы у окна или на плюще — значило бы из загадочной тёмной силы превратиться в материальное существо, не могущее проходить сквозь стены, которое к тому же так неуклюже раскрыло свои маршруты.

Ну вот, опять тук-тук-тук-ТУК-ТУК... Эта женщина не выносит даже собственного бездействия: стоило ей доесть — и пальцы пустились в пляс по столу. Смотрит, прищурившись, на стену. Надеюсь, она сейчас не обдумывает её покрасить. Ещё не хватало испортить девственные камни, которые видели самого основателя!

— Там небо чёрное, скоро может начаться дождь. Надо побыстрее занести коробки в дом.

А прогноз погоды для кого объявляют? Неужели надо дожидаться чёрных туч? Могли просто выбрать более солнечный день для выгрузки ящиков.

Наконец-то — задвигают стулья.

Слышу, как они ставят или же бросают свои пожитки на пол в вестибюле. Так торопятся, будто их драгоценные коробки растают от дождя. Если бы эти любители сэндвичей и манекенов не купили бы мой замок, я бы сейчас любовался видом громоздких серых туч с чердака, а не прятался в тёмном углу, где теперь из-за пасмурной погоды даже свет почти не проходит между досок двери. Нет ничего лучше, чем созерцать нарастающую усталость отяжелевших облаков, пока они не решатся освободиться от бремени, разбив небо на части яркими молниями. Сидишь у окна, не отводя глаз от

гипнотической серости неба, а кто-то тебе читает вслух истории, которые были придуманы, дабы вынести печаль именно такой погоды. И его голос перебивает раскаты грома, делая его не таким пугающим. А как потом легко дышится, когда небо снова светлеет.

Дождь всегда навевает на меня... Хватит нюни развозить! Никто не будет мне читать сказки, и я уже не маленький! Да и дождь совсем смешной, судя по звуку. Ни одна коробка не пострадает.

Из-за погоды в разгаре мая стены кажутся совсем холодными, как зимой. Камин бы затопить — но нельзя, придётся терпеть.

— На сегодня хватит. Когда подключим свет и воду — начнём самые грязные работы.

— Да уж, будет время собраться с духом. Я не готов к цементу в носу.

— Цемент у тебя в носу, потому что ты меня не слушаешь и не надеваешь маску.

— Я не могу дышать в твоей маске!

— Ну тогда дыши цементом и не жалуйся!

— У меня уже хроническое цементопноэ!

— Зайдём в аптеку!

Наконец-то закрыли дверь с той стороны. Теперь-то до утра замок только мой. Как же меня утомил шум и разговоры за полдня, они постоянно спорят. А это ведь они пока здесь даже не живут! Пока ещё не совсем стемнело, надо изучить

доставленный груз.

Мешки цемента — чтобы им забить нос, как я знаю из их разговоров, мешки шпаклёвки, песок. Они что, хотят ещё один дом построить? Или замуровать свои секреты в одной из комнат? Они не будут первыми. Ещё очень давно одни внимательные жильцы поговаривали, что в подвале есть стена, кладка камней которой странным образом отличается от остальных...

А это — мотки льняной верёвки, наверное, для макраме — сплести какую-нибудь глупость, пока шпаклёвка сохнет. Провода, трубы, ведра краски, новая сантехника... Я и не думал, что мой замок настолько не дотягивает до их дома мечты. Какие требовательные: им нужен самый белый унитаз! Ну тут всякие железки, тут тряпки, а вот книги...

А это что? Привидение? Их тут целая коробка. Теперь я точно ничего не понимаю! Хелуоин через полгода! И что за отвратительный материал — скрипит и липнет одновременно. Фу! Я знал! Я сразу почувствовал, что они чокнутые... И если они верят в сверхъестественное, то запугать их будет ещё проще. Услышат завывание из камина — и сразу обвинят нечисть.

С другой стороны, если они сами везут в замок привидений — пусть даже игрушечных, — значит, духи их не пугают. Напротив: они им нравятся! Вместо рыцарских доспехов, как принято в средневековых замках, они, вероятно, развешат по углам белые тряпки с вырезанными глазницами

и кривой улыбкой.

В дымоходах воеет, но не жалобно, как обычно, а будто насмешливо. Даже ветер смеётся надо мной! Так и слышу: «Бее-едняжка-а-а... Ты их никогда-а-а не выгонишь... Им понравятся твои-и-и трюки, и они останутся навсегда-а-а... ха-ха-ха!»

* * *

Сегодня особенно шумный день. Они возобновили электричество и воду и теперь разошлись по полной: стучат, сверлят, жужжат. Как же хочется уже начать их запугивать, но ещё слишком рано. В такой суете никто даже не заметит странных звуков или подброшенных предметов, вызывающих тревогу. Нужно подождать, пусть хотя бы завершат шуметь и вымазывать дом своими растворами. А то когда здесь так грязно, они не заметят мною оставленный пепел — примут его за рассыпанный цемент. У меня уже такое было, когда я только начинал и недооценил способность человека объяснять необъяснимое, оправдывая самым банальным способом, если в доме нет налаженного размеренного уклада жизни. «О, дорогой, а почему у нас посреди зала кирпич, под которым мёртвая летучая мышь? — Это, видимо, рабочий обронил его и не заметил, а летучая мышь залетела в дом и оказалась не в том месте и не в то время. Хотя, конечно, им следовало проверить как подобает все помещения, прежде чем сдавать свою работу хозяину. Я вычту из жалования рабочих за халатность».

Что в этот раз у них на обед? Вижу: снова сэндвичи. Они что-то обсуждают, как всегда... Пойдите, кажется, я распознал слово «Люнвонтель» из всего бессмысленного потока. Им не стоит обольщаться и часто его произносить: они, может, и купили стены, но никогда не станут достойными этого имени. Стоит прислушаться.

— А мне нравится этот герб: он красивый, и я уверен, что смысл вложен глубокий.

— Да какой смысл? Просто все эти аристократы любят присваивать себе символы, не обязательно красивые, главное, чтобы отличительные. Если бы разобрали всё, кроме башмака, то какой-нибудь новоиспечённый сеньор взял бы и его, наделив сакральным смыслом вроде «Большим шагом обходим свою землю» или «Крепко стоим на ногах»...

— Звучит как вызов. Я тоже попробую: подберу девиз Люнвонтеля. Например, «Луна, дающая свет в непроглядной тьме, чтобы каждый нашёл дорогу к дому, и ветер, что разгоняет страхи и сомнения, не давая пасть духом в темноте».

Мужчина сказал это, смотря выше камина — туда, где висит герб. Кажется, он забыл, что должен съесть сэндвич, раз принялся слагать романтическую прозу. Ему бы гусиное перо в руку и курительную трубку, зажатую в зубах.

— Потомки рода де Люнвонтель здесь уже давно не живут, но герб остался, и название сохранили, не потому ли, что хочется их оставить как напоминание прекрасной эпохи, когда герб гласил целым поколениям о долге перед своим

именем?

— Герб и имя делают этот замок ценным, и все предыдущие владельцы это понимали. И нам крупно повезло, что среди десятков владельцев не нашлось самодура, который бы заменил Люнвонтель на своё название из самолюбия.

Я, конечно же, не знал сеньора-основателя — это было в пятнадцатом веке как-никак — и не знаю, какой смысл он вложил в свой герб, почему выбрал в качестве символов Луну и ветер. Но два последних поколения де Люнвонтель, живших здесь, я застал. И не просто подглядывал и прятался, а жил с ними бок о бок — насколько мне, конечно, было позволено. Так что я мог бы рассказать этому наивному романтику с сэндвичем, как герб напоминал о долге.

Отец семейства и мысли не допускал, что кто-то в его окружении будет не под его контролем, что кто-то посмеет дышать без вымоленного на то разрешения. Никогда с тех пор я не видел более одурманенного властью человека, чем Рено де Люнвонтель. Кому что говорить, что есть и когда спать, что думать, чего желать и чего стыдиться — он мог повлиять на всё, если считал нужным. Он отравлял жизнь всем, с кем находился рядом, поэтому семья — особенно жена и дочь — страдала даже больше, чем слуги, до общения с которыми хозяин не желал снисходить.

Жена пряталась в долгих молитвах — только из этого погружённого в себя состояния муж её не выдёргивал. И во-все не из богобоязни: просто разговоры с теми, кто лишь на

картинках, не могли соперничать с его словом здесь и сейчас. Он ждал, пока она закончит, чтобы на деле показать, как бесполезны её молитвы. Чтобы с ухмылкой доказывать, что святые не придут на помощь. Это ожидание того стоило.

Дочь же жила также в ожидании, но другого характера. Она считала дни, когда повзрослеет, чтобы её выдали замуж, и она навсегда освободится от отцовского гнёта. И это могло сработать, если бы в женихи ей не подыскивали точную омоложённую копию её собственного отца, обрекая на жизнь под нескончаемым давлением. Как почернело её лицо на несколько дней после того, как она распознала, с кем предстоит провести всю жизнь.

Вы, может быть, подумаете, что этого слишком мало, чтобы очернить весь благородный род, мол, сложный характер можно простить тому, кто берёт под своё крыло бедных простых людей. Но нет, это не всё: за каждым непослушанием следовало обязательное наказание: запереть в тёмном помещении, почти лишая еды, ударить, порезать любимую одежду. Это только то, что мне удалось узнать. А сколько всего ещё происходило за закрытыми дверями, после чего супруга начинала хромать или не могла вышивать неделю, неумело скрывая боль в руке.

Я чуть не забыл про Филиппа — единственного сына, продолжателя благородной фамилии. Ему ещё в детстве очень прельстила мысль, что стоит ему вырасти, и он будет обладать тем же влиянием и возможностями, что и отец. И чтобы

быть готовым творить все те же мерзопакостные деяния, что и пример для подражания, он начал готовиться ещё до того, как огрубел голос. Но мальчик не трогал мать и сестру, его зоной испытания были слуги. И я. Кто я такой, чтобы дать отпор самому сыну хозяина? Даже не слуга. Меня он обзывал бесполезным уродцем, ошибкой природы. Говорил, что если я исчезну, мир станет только лучше. Я слушал, сдерживая себя на грани возможностей, чтобы не вцепиться ему в глотку, не в силах сказать вслух ни слова. А потом выходила она... Необъяснимо почему, но сестра имела силу, перед которой зелёный тиран отступал, бросая напоследок лишь что-то вроде: «Забирай своего уродца, если он тебе хоть каплю дорог! И позаботься о том, чтобы это не попадалось мне на пути. А то он такой мелкий, я его и раздавлю ненароком», — чтобы не оставаться проигравшим.

Говорить о долге перед именем можно лишь абстрактно. Этот долг требует лишь внешнего благополучия, при котором нет надобности заглядывать внутрь холодных стен с маленькими окнами. От этого взора и защищает нарисованный щит с символами.

Теперь мой черёд растолковать геральдический смысл. Чёрный фон — это тьма души, Луна крадёт свет солнца, используя возможность, и приходит, чтобы править в ночи, пока великое светило не видит. А ветер? Ночью, когда грешить проще, оставаясь без надзора, недостойные помыслы разлетаются, гонимые ветром, и окутывают кажущиеся днём чи-

стыми сердца... Ха, я прям поэт! Возможно, по задумке основателя, герб и обязывал нести свет, даже если вокруг ненадёжный мрак, как предположил этот романтик. Но боюсь, что за века смысл могли исказить, словно переводили из одного языка на другой десяток раз.

Куда меня опять понесло? Я всё равно не смогу им всё это рассказать. Придётся слушать глупости про долг и благородство.

Но вот они доели — и сейчас снова примутся сверлить и стучать. По крайней мере один из них: женщина-то чаще с записной книжкой в руках, пока её муж таскает мешки для растворов. Что она там пишет? Было бы смешно узнать, что в книжку вложен лист с кроссвордами. Ха-ха!

* * *

Пахнет мокрым камнем и старой пылью. Запах надёжного укрытия, которое не вычищено современными моющими средствами с едким запахом. Кусочек первозданной застройки, ни разу не переделанной и не улучшенной, как все остальные комнаты. Может, именно поэтому я так люблю это место? Пока мне удаётся сохранять его в нетронutom виде, я могу чувствовать себя как дома, даже пока наверху в моей кровати спит фальшивый хозяин.

Если я жду, это вовсе не значит, что я бездействую. Пока они слишком заняты, облагораживая мой дом, представляя, каким он будет красивым и уютным, — хотя для меня он и в таком виде вполне уютный, — я тоже грежу будущи-

ми свершениями. Не сейчас, но позже, когда они расставят вещи по своим местам, я буду незаметно прокрадываться и менять предметы местами. Сначала они будут думать, что им показалось, но затем уверенность в «я совершенно точно не клал молоток в холодильник» и «я не ставила стакан на пол в зале» будет расти. Такие мелочи, как ложка в цветочном горшке, носок на столе, зубная паста в вестибюле, могут быть в любом доме, где есть дети. Придётся быть более убедительным, изощряться так, чтобы эта парочка не знала, чего пугаться больше: мысли, что это сделали дети, или что это вовсе не они. Ну либо через месяц супруги будут швыряться друг в друга посудой и прикидывать, кому что останется после развода. Тоже неплохо — им, скорее всего, придётся продать замок, чтобы поделить.

Или вот ещё: я буду зажигать огонь в камине в разгар лета, возможно, даже бросая в топку их вещи — и всё это стоит им выйти на пару минут. А пока они будут тушить и выяснять причину возгорания, я подожгу что-то в камине другой комнаты. Им неизбежно захочется рано или поздно покинуть дом, ведь самовозгорание — очевидный признак чертовщины, поселившейся в доме. Не буду их разубеждать. Годы идут, времена меняются, но когда люди напуганы — они суеверны, как и века назад.

Пятна крови на каменном полу или ещё лучше — в стакане вместо вишнёвого сока, пепел на постели, кости животных под подушкой — такое уже не подумаешь на детей.

Это грязные приёмчики, и я ими не брезгую. Они идут перед реальной угрозой и могут быть очень разнообразными — есть где пофантазировать. То, что не останется без внимания и никак не приближает их к разгадке «кто это сделал?», а лишь добавляет трепета перед неизвестностью. Что может быть лучше?

Я часто возвращаюсь к мысли, что всё гениальное — просто. Если и есть что-то лучше самых изощрённых трюков, так только самый простой в исполнении, но дающий самый сильный эффект. Равносильно выигрышу в лотерею один раз в жизни я получил больше, чем обычных жильцов: когда вся семья бегала, шумела и жила привычную жизнь, одна комната была отдана для лежачего, парализованного старика. Он был один и казался совсем забыт. Я сразу понял, что он никому не скажет ни слова. Тогда и только раз я решился явиться к нему открыто, хотел быть увиденным, но без риска для себя. Суть по-настоящему шикарного выступления заключалась в отсутствии трюков — просто я. В мутных глазах старика я увидел своё отражение... и немой ужас. Я даже коснулся его руки. Первое осязаемое мною человеческое тепло за десятки лет. Он не сопротивлялся, пока я гладил его кожу, не кричал, а просто смотрел. Минута свободы и триумфа... А потом учащённая музыка пульса затихла, его кожа начала остывать. Я не желал ему смерти. Я просто хотел, чтобы хоть кто-то увидел меня по-настоящему и явил страх передо мной, а не перед лужей крови, авторство которой я вынуж-

ден скрывать. Мне правда жаль, что его сердце не выдержало. Но в то же время этот случай доказал: я страшнее любого моего трюка, никто за всё время не умирал, найдя даже самый жуткий «подарок».

* * *

Вечереет. Я вижу сквозь щели тёмно-синее небо. Который день «владельцы» шумят и пачкают замок. Утром приезжают, громко обсуждают, что им надо сделать, — какие деловые! Через замочную скважину я вижу, как они мелькают туда-сюда по главному залу, обходя большой стол, заваленный разными мелочами: какими-то рулонами, мотками проводов и верёвок и ещё чем-то, чего не разглядеть.

— Ну что, всё высохло, можем начинать расставлять всё, как задумали.

— Давай уже завтра. Я устал.

— Мне не терпится расставить всё побыстрее, как на моём эскизе. Я начну с той спальни уже сегодня. Даже не верится, что начинаю воплощать в жизнь свой замысел. Столько подготовки!

Посмотрите на неё: несёт коробку, что в половину её размера, приспичило же! Ну пусть расставляет, даже немного интересно, что именно ей так не терпится расставить. Судя по грохоту чего-то тяжёлого об пол прямо надо мной, коробку она донесла. Это в той комнате, которую думали отдать для бродячего цирка, или в соседней.

Куда это он несёт, обнимая, искусственную женскую фи-

гуру без головы? Кажется, я и так знаю ответ. Да-да, у тебя, романтик с сэндвичем, нет особого выбора — неси свой манекен наверх, а то эта учительница поставит тебе в своей записной книжке оценку «2». Если женщина решила сделать что-то прямо сейчас, то в твоих же интересах ей в этом помочь. А то к гадалке не ходи — станет сама нести манекен, споткнётся, упадёт — виноват будешь ты.

Возьмётся теперь. Дайте угадаю: на манекен вы наденете одно из привидений? Будет очень театрально! Волочат что-то по деревянному полу, опять что-то упало, о чём-то спорят. Не хочу даже знать, о чём — я так устал, просто доделайте всё и уезжайте.

Прямо сейчас они переходят от шпаклёвки к расстановке предметов. Это ключевой момент, которого я ждал с первого дня. Возможно, уже по первой комнате я смогу определить их тип. А что, если я смогу его угадать даже до того, как зайду туда? Итак, что мы имеем? Судя по количеству коробок, они точно не минималисты, у которых даже второй кастрюли нет. Антиквары? Им был важен старый стол — но настоящий антиквар дорожит возрастом, а этим лишь бы выглядел старым. И нет, они точно не эстеты: ни один эстет не потерпит в доме декорацию из дешёвого тряпья — а эти его притащили целый ящик.

Кто остаётся? Коллекционеры: представляю целую комнату для привидений. Они ещё что-то говорили про платье, может, даже привидение будет в платье. Всё возможно. А ес-

ли нет, то, учитывая целый ящик призраков, я могу смело ставить на то, что они декораторы. Но в то же время они скоро повесят картину в большой зал, и если на ней семейный портрет, то это признак семьянинов — у таких всё в портретах, игрушки и куча детской одежды. Может, они вообще бабахольщики — и привидения не столько для декора, сколько просто попались им на глаза в каком-нибудь пыльном магазинчике, и они не устояли.

Мои молитвы были услышаны: любители приведений покидают место, где они истязают мой слух днями напролёт. Теперь-то я всё осматриваю и узнаю, к какому типу помешанных их отнести.

Итак, я на месте. Вот, значит, что они расставляли с таким усердием. На старом дубовом столе появился подсвечник, неочищенный и не натёртый до блеска. Рядом поставлены стопками книги. На их торцах золотом выведены названия разных языков — зачем здесь все эти словари? Они создают искусственное ощущение тяги к познаниям, а от одной словно случайно оставленной открытой книги и вовсе разит неприкрытым обманом. Какой нелепый трюк!

На манекене, появление которого было анонсировано ещё в первый день, надето длинное в пол старомодное голубое платье с кремовым корсетом. Что за чушь? Такие давно не носят! Я достаточно нарядов повидал через замочную скважину, чтобы заметить несоответствие старательно уложенных льняных складок с современной упрощённостью. Но

это не все странности: платье изрядно запачено чёрной как уголь краской, прямо спереди на виду. Никто его никогда не наденет, разве что слепой.

Если в первый день я был озадачен манекеном, а позднее — привидениями, то теперь ничего не прояснилось, вопросов стало ещё больше. Сцена явно имитирует убранство комнат, которое пару веков как кануло в Лету. Любители старомодности, романтизирующие кареты и балы при свечах? Допустим. Но надобность книг, размещённых не на полке в библиотеке, а прямо на столе, будто их изучают все сразу и прямо сейчас, для меня остаётся совершенно неясна. Пожалуй, на один вопрос я всё же получил ответ: они — декораторы.

Как ни обидно, но мне предстоит набраться терпения, чтобы дождаться полной картины замысла новых владельцев относительно моего замка. Я умею ждать. Проживши столько лет среди каменных стен, я порою ловлю себя на мысли, что я сильно им уподобился: моё тело может быть таким же холодным, а сердце стало тем самым камнем. Даже моя кожа напоминает каменную кладку. Что никак не потеряет свою живость, так это мой желудок.

Не стоит пренебрегать чувством голода. Я отправлюсь утолить это мерзкое чувство — уже достаточно для этого стемнело. Убывающая Луна, словно сошедшая с герба Люнвонтель, не станет слишком пристально за мной следить.

* * *

Декораторы — они уже здесь. Чем же они займутся до сэндвичей? Продолжат наполнять остальные спальни сундуками и ночными вазами? Кстати, на чердаке я видел завалявшиеся старые часы с кукушкой. Конечно, они сто лет как не работают, но им в самый раз. Они не гонятся ни за качеством, ни за исторической достоверностью. Потом им подкину их. О, да, я придумал прекрасный трюк: я сниму кукушку и вместо неё приделаю дохлого воробья. Они оценят мою изобретательность. Так, надо не забыть.

— тук-тук-тук-ТУК-ТУК...

Мадам Барабан сегодня в ударе. Ха! Мадам Барабан — так и буду её звать! И в руках у неё неизменно сжата записная книжка. Могу поспорить, что на обложке имеются вмятины от её пальцев из-за непрерывного держания в руках.

Когда у них пошло больше цемента для поломанной ступеньки, чем было озвучено утром того дня, Мадам Барабан очень задумчиво смотрела в записную книжку, будто под тяжестью её взгляда цифры или слова должны были сдаться и разбежаться. А когда после работ в ванной комнате остался лишний кафель, то её палец танцевал победный танец на развороте книги. Она ещё довольно сказала: «Ну вот, ещё и на мозаику осталось». Это я к чему: наблюдая каждый день за ней из замочной скважины, я хорошенько изучил даже не озвученные эмоции. И хороший результат или провал — она всегда смотрит в записную книгу, мол, «что дальше?». Вот так я и выявил нелепую, но всё же неоспоримую важность

этой дурацкой книжки в блестящей чёрной обложке.

Погодите-ка... Она ведь сказала, что хочет расставить предметы в спальне, как на некоем эскизе. А где же сам эскиз — набросок театральной сцены, если не в этой книжке, с которой она сверяет каждый свой шаг?

Ну конечно! Я должен туда заглянуть, хотя бы одним глазком. Но проблема в том, что Барабан никогда не оставляет книгу на столе, у неё есть безразмерный карман, чтобы таскать её всегда с собой. Надо что-то придумать.

Если каким-то образом облить эту сухую во всех смыслах женщину водой — она выложит книжку из мокрой одежды, дабы спасти?

Пожалуй, стоит попробовать самый простой вариант для начала, хоть и шансов на успех мало. Я постучу кочергой, что всегда лежит в моей подсобке, через люк по камням шахты на уровне верхнего этажа. Она побежит вверх, чтобы проверить, кто стучит, а я-то здесь — в подсобке. У меня будет пара минут.

Барабан за столом с книжкой, а романтика с сэндвичами не видать. Та-а-ак, постучал. Почему она не реагирует? Постучу ещё раз.

— Чем ты там стучишь?

— Что?

Мадам Барабан устало вздохнула и встала со стула. Наверное, идёт к мужу наверх, откуда и долетело его «Что?» — выяснять, чем он стучит. Да, но книжка уже скользнула в кар-

ман, словно подчиняясь безусловному рефлексу. Безнадёжно! Мне придётся действительно облить её водой, причём из ведра, чтобы она точно оставила книгу вне своего кармана. Носится с ней, как кенгуру с детёнышем.

Этот вечно оценивающий взгляд с прищуром! Сколько самодовольства и тщеславия он излучает. Она смотрит на любую безделушку так, будто решает её судьбу. Пусть это не смертные грехи и не заслуживают молнии, но хотя бы ураган или дождь? Сами небеса должны, невзирая на черепицу, выжать тучи, словно мокрые губки, над самой её головой, чтобы напомнить, как мал и ничтожен человек перед матушкой природой! Ах, о чём я... Если бы небесные судьи шепотливо относились к своей работе, гром бы поражал каждого негодяя до того, как жестокость вошла бы в привычку, и моя память была бы полна добрых деяний и светлых людей. Или людей бы просто не осталось на Земле. В любом случае никто не спешит стыдить человеческие пороки, карательный ливень не хлынет на голову самодовольной тётки — всё нужно делать самому!

Я заманю её на чердак... Ну нет, ведро — это перебор, придётся довольствоваться железной чашкой. Пусть её внимание привлечёт висящая верёвочка, она потянет за неё — и чашка с водой, стоящая в тени на деревянной балке крыши, опрокинется. После криков, успокоившись, она подумает, что ёмкость собирала дождевую воду, капающую сквозь щель в старой черепице. Пусть подлатают крышу мне заод-

но. Ну или опять набросится на мужа, зачем он над ней так пошутил. Меня устроят оба варианта.

Сегодня же ночью всё проделаю. Но как я её завлеку на чердак? Есть над чем подумать, возможно, придётся пожертвовать своей шкатулкой: оставить её заведённой. Но Барабан должна быть на верхнем этаже, и дверь нужно открыть, ведущую на чердак.

Стихло наконец, и небо стемнело. Пойду на чердак, там как раз и верёвку найду, и чашку вроде видел, так что всё под рукой. Да, и часы с кукушкой...

Почему дверь зала тяжело закрывается? Застряло что-то... Это же игрушка девочки — кролик! Вроде неделю назад слышал, как она его искала. Наверное, так и не нашла. Ладно, я сейчас в хорошем расположении духа, от предвкушения маленькой победы, помогу ей. Положу на стул в большом зале, где он частенько и спит. Но пусть больше не теряет, а то в следующий раз точно заберу себе.

Так... За работу!

* * *

Ночка была бессонная, но всё готово. Ключ в шкатулке заведён. Я буду высматривать женщину с книжкой, как только она начнёт подниматься на верхний этаж, то сразу забегу на чердак, открою шкатулку и спрячусь в завалах хлама. Сразу меня тут искать не станут, а когда вода выльется, намочив её драгоценную книжку, ей будет ещё больше не до обыска чердака.

Они уже здесь, в окно я видел, как они всей семьёй вылезали из машины. Вопрос времени, когда именно мадам Барабан поднимется наверх.

А если поднимется кто-то другой, муж, например? Я получу огромное удовольствие и от того, что оболую водой его, но к своей цели так не приближусь ни на шаг. Ещё до обустройства той комнаты постановщица каждый день в неё заходила, видимо, в предвкушении. Теперь же она проводит в комнате с платьем ещё больше времени. Если она не наигралась в кукольный домик в своё время и сейчас навёрстывает упущенное, то картина выглядит совсем печально. Но зато я знаю, что она и сегодня туда зайдёт.

Да! Я слышу её шаги, она идёт в свою любимую комнату. Та-а-ак: шкатулка — открыта, я — спрятан. И как удачно я здесь разместился: я могу даже наблюдать за всем с первого ряда, а меня не видно за горой пыльных полураспавшихся книг, какого-то тряпья и мелкой мебели, каких-то корзин... Почему до сих пор никто это не выбросил?

Слышу, как она затихла, прислушиваясь. И теперь неуверенно поднимается на чердак. Заходит.

— Откуда музыка? Какая прелесть! Дети, ваших рук дело? Где вы нашли эту шкатулку?

Ну давай же, оглянись! Смотри, какая верёвочка висит...

— Что за верёвка? Её надо убрать, чуть в глаз мне не попала.

Ты всё равно в очках. Ничего бы не было с твоим глазом.

— А-а-а-а!

Наконец-то!

Вот она, не столько мокрая, сколько разозлённая. Кричит, как будто на неё кипяток вылили, а не чашечку воды комнатной температуры. Теперь, осмотрев своё убранство, она решает, что книжке не следует оставаться в мокром кармане. Но не будет же она теперь её держать долго в руке?

Кажется, она смотрит прямо на меня! Не может быть, я даже дыхание сдерживаю и не моргаю. Ей не могло показаться, что она кого-то видела. Наверное, просто увидела кучу хлама и задумалась: «Вот чёрт! Ещё и хлам на чердаке. Надо добавить этот пункт в список дел в моей любимой записной книжечке».

— Кто это сделал? Все сюда!

Ха! Говорит «все сюда», а сама не может ждать — тут же вылетела как фурия. И убежала с книжкой... Проклятье!

Ладно, я должен тоже убраться отсюда. Пусть приведёт всё семейство для допроса на место преступления. Конечно, все будут отпираться, тогда придут к тому, что чашку никто из них не ставил. И вообще, может, она здесь всегда была? А что — никто даже не сможет с уверенностью это опровергнуть. Они только раз при осмотре замка заглянули на чердак, увидели завалы мусора, и больше сюда не поднимались. Полагаю, вид свалки их расстраивает.

Пойду по другой лестнице. Если она так и носит книгу в руках, то всё пропало. Я слышал, как она спускалась на

нижний этаж, — посмотрю там.

В большом зале никого, но на столе лежит книжка! Значит, она была здесь, вероятно, положила книгу на сухой стол, а сама повела семью на чердак — для очной ставки. Вот это удача!

На ощупь обложка гладкая, как лакированное дерево, а не как кожа, к которой я привык. От неё пахнет чем-то неестественным, сложно определить, из чего она сделана. Так, нельзя терять времени, надо поскорее изучить содержимое.

Какие-то записи, цифры, но почерк непонятный. Это всё неважно, мне нужны зарисовки. Вот какой-то рисунок, но на нём нет платья. Большой дубовый стол в главном зале, сервированный минимальным набором приборов и тарелками, а в центре намечены границы большого блюда. Никакой конкретики. Нужна та спальня с платьем, надо листать дальше.

Вот оно! Узнаю платье на манекене и книги на столе, и, конечно, подсвечник. Здесь вверху всего одна надпись: «Комната Маргерит».

Шаги на лестнице: кто-то спускается! Ничего лучше мне не остаётся, чем запереться в подсобке.

Это Барабан, она переоделась и вернулась за книжкой, так как не может долго обходиться без неё. Неразлучники. Ну и ладно, я успел кое-что узнать. Но действительно ли там было написано имя Маргерит? Если так и есть, наверняка комната готовится для женщины, которую зовут Маргерит, имеющей

старомодный вкус в одежде. Вероятно, она начиталась романов про девиц, что жили давным-давно в замках, и теперь хочет подражать им.

Значит, они делают ремонт и декорируют замок под старину для некой Маргерит. Ранее я уже подмечал зашпаклёванные электрические розетки и выключатели, которые были замаскированы под камень, из которого построен замок. Кое-где добавлены провода, обплетённые льняными верёвками, появились гобелены. Постановщики будто скрывают признаки современности, возвращая замку его «молодость», которой он обладал столетия назад. Эта Маргерит хочет и впрямь погрузиться в атмосферу настоящего средневекового замка, но не жертвуя комфортом, к которому уже привыкла. Ведь также я видел новые, ещё не распакованные матрасы, а для кухни этот... как там его... холодильник. В двух спальнях починили деревянный пол, но он всё так же скрипит. Неумёхи! Или они оставили скрип для достоверности?

А ещё на стенах повесили канделябры со свечами. Но стоило мне приглядеться, я сразу понял, что свечи ненастоящие: на верхушках были стеклянные «шишки» и от каждого канделябра тянулся провод, обмотанный льняной нитью. И здесь их старинность не настоящая!

Ох, и получил же я пищу для ума! Но одними загадками и их решением сыт не будешь. У меня от непонимания ситуации, от всевозможных предположений живот урчит. На сегодня с меня хватит раздумий о некой Маргерит. Поскорее

бы настал вечер, вот уж где я дам волю своим инстинктам — за пределами каменных стен.

Сегодня полнолуние. Какая ирония, что лунный свет проходит сквозь жёлтые стёклышки витража, изображающего Луну. Это как рисовать помидор томатным соком. Как красиво! По всему замку сохранились символы герба, но именно купаясь в лунных лучах, пронизывающих ризалит через разбитое и заново собранное по кусочкам стекло, будто сшитое металлическими нитями, я чувствую особую связь с этим местом. Те, кто хочет на один день примерить на себя замковую жизнь, слишком поверхностны и приблизительно не понимают всей его глубины. Надо прожить всю жизнь в неровных неприкрытых стенах, чтобы состоять на четверть из сыроватой каменной пыли — и только тогда...

Пора. Я слишком голоден.

* * *

Шпаклёвка и краска высохли, цемент застыл, имитируя камень, доски пола подбиты. Они так же разобрались с проводами, конечно же, скрыв их в нелепом подобии макраме-джунглей: теперь по потолочным балкам тянутся и свисают по стенам комнат к фальшивым канделябрам льняные лианы. Полагаю, шумные чёрные работы позади. Теперь, когда муляжные хозяева начали обустраивать помещения, расставляя по местам вещи, пусть и странные, и не пригодные для жизни, я могу начать действовать им на нервы. Шутка с водой не считалась, ведь была импровизацией для достиже-

ния дополнительной цели — заполучить записную книжку.

Сегодня они приехали с детьми, я не знаю уж, какое чудо свершилось, но даже с детьми в замке относительно спокойно. Дети, что, в шахматы играют? Конечно, супруги спорят, как всегда, но я уже привык. На меньшее уже и не рассчитываю. Ума не приложу, чем они все заняты, но они точно наверху. Самое время начинать.

— У-у-у-у...

Я повыл в камин. Ну, и что же они не всполошились? Небось подумали, что слышалось. Надо повторить.

— У-у-у-у...

Спрячусь тут же в подсобку, вдруг сейчас даже кто-то спустится, чтобы узнать причину шума.

Они не замечают. Хорошо, а если я постучу кочергой по металлической решётке камина? Надо быть совершенно глухими, чтобы не заметить такое.

Ничего! Если их не волнует громкий звон металла, который явно исходит изнутри... где они вообще раньше жили?

Вернусь в подсобку, чтобы зловеще волком завывать прямо в люк дымовой шахты.

— У-у-у-у...

— Ой, мама, что это?

— Наверное, ветер, не бойся.

Не на такую реакцию я рассчитывал, разумеется. Какой ветер делает «У-у-у-у»? К тому же сегодня безветренно, на улице даже листик не шелохнётся. Могли бы хотя бы бояз-

ливо насторожиться, прислушиваясь и гадая, что же это может быть. А то сразу «ветер»!

Есть ещё один метод. Шкатулку мне пришлось уже засветить, но я всё ещё могу её применить. Всё же, если мелодия из шкатулки заиграет где-то внутри стен, звук которой вырвется через неиспользуемый камин, — это уже не шутки.

— У кого-то телефон звонит.

— Не у меня.

И это всё? Даже если предположить, что то телефон, вас не волнует, что неведомый телефон звонит в доме, который вы считаете своим?

Можно ещё уронить вазу, но в первую очередь взрослые подумают, что её разбили дети и не хотят признаваться, их накажут, и снова никто не испугается. Да к тому же здесь нет вазы.

Как ни прискорбно, но я должен признать: все лёгкие старые приёмы — зловещие завывания, стуки, мелодия из шкатулки — не сработали. Даже когда давеча я оставил включённой переносную лампу после ночного обхода, хозяйка просто укорила мужа за невнимательность. Никакой паники, никакого страха. Барабан вообще все непонятные ситуации может объяснить: виною либо муж, либо дети, либо вот ветер теперь ещё.

Здесь мои методы иссякли. Выйду из подсобки, пока все наверху, может, вдохновение найдёт меня в вестибюле?

Я что-то слышу. С улицы через открытое окно кухни до-

носится глухой стук.

Мальчик! И давно он там? Облачённый в рыцарские доспехи — конечно же, не настоящие, — сосредоточенно машет деревянным мечом по старому дубу во дворе. Каждое движение отчаянное, он что, борется не на жизнь, а на смерть, и это-то с дубом? Ну и ладно, просто играется, выплёскивает энергию — у детей её больше, чем нужно.

— Получай, мерзкий дракон! Это тебе за то, что ты сделал!

Дракон? Почему непременно дракон, да ещё и мерзкий? Мальчик так яростно бьёт по дереву, что я бы не хотел быть на месте этого дракона... то есть дуба, конечно.

С каждым ударом меча во мне растёт странное чувство тревоги, лёгкая дрожь — не от страха перед ребёнком, а от того, что у «рыцаря» нет сомнений: дракона нужно поразить мечом. Вряд ли ребёнок сам придумал, что дракон заслуживает смерти только потому, что он дракон. Это всё влияние глупых сказок, где дракона всегда надо победить доблестному рыцарю, чтобы спасти принцессу. А что, если у дракона и в мыслях не было вредить принцессе? Вы у него спрашивали?

Впрочем, так ли важно, почему ребёнок поражает воображаемого врага? Мне следует срочно избавляться от вредителей, занявших мой замок, а не тратить время на глупое представление. Если лёгкие методы не работают, я перейду к по-настоящему пугающим. Этот мальчишка просто игра-

ет. А я — нет. Я уже давно вырос, слишком давно. Пора заняться делом.

Ещё в первый день они заметили расщелину в столешнице и не придали ей значения. Напрасно. Сейчас я воткну в неё старый ржавый топор — и когда они спустятся в зал, то начнётся: «Кто это сделал? Здесь был посторонний? Ах, мне страшно...». Этот приём никогда не оставался без внимания. Их животный страх питает меня по-настоящему, никакая охота в лесу не сравнится с игрой, в которой мне подвластно их чувство безопасности. Они вторглись в мой дом, чтобы наставить бутафорских старомодных вещиц. Но я не стану это терпеть. Вскоре им придётся вынести обратно все свои нелепые платья, картины, книги, канделябры с проводами. Вернее, то, что от всего этого останется.

* * *

Топор в столе дал мне несколько дней разгуливать по замку днём, как и ночью. Парочка знатно перепугалась, ведь мой топор не из папье-маше, как статуи львов в вестибюле, что они привезли. Я слышал о принятом решении больше не привозить детей, пока они всё тщательно не проверят. Сомневаюсь, что они способны проверить каждый камешек, никто за всё время не считал нужным заглядывать в места, куда не пролезет взрослый человек. Всему виной их самоуверенность, что тот, кто оставляет топор в столе и кровь на полу, — обычный взрослый человек. Это дискриминация как минимум детей и лилипутов. Здесь полно мест и ходов,

куда не пролезет обычный взрослый человек, но я могу.

Сегодня декораторы осмелели и вернулись. С ними был кто-то, кто осмотрел весь замок вместе с ними. Я-то тоже не дуралей: за долгие годы я стал чётко определять нужный момент, чтобы подбросить ключ от моего тайника на видное место — чтобы испуганные решительные сыщики не ломали дверь. Я знал, что после первой реальной угрозы никто не примирится с закрытой дверью, за которую нельзя заглянуть.

Теперь они осмотрели все комнаты, убедились даже, что в закрытой с первого дня подсобке никого нет, что было на момент вскрытия помещения неоспоримо. Но вот делать предположение, что там никого и не было, — это уже домыслы. Они извращают факты себе в угоду. Ограниченные глупцы!

А затем этот знаток с уверенностью заявил, что если и проник кто-то в прошлый раз, то он сбежал и больше ничем не угрожает. И, увидев люк в подсобке, все без раздумий в один голос заворили: «Взрослый человек туда не пролезет, это слишком маленький проход» — и даже заглядывать не стали. Поэтому я остаюсь здесь дольше всех, а они разбегаются: потому что меня недооценивают. А напрасно...

Теперь я не могу закрываться изнутри в моей каморке, но это только с этими жильцами. Когда они будут сбегать, я заберу ключ обратно. Будут следующие — они вновь сначала не тронут дверь, пока будет жить надежда найти ключ, а после первой или второй моей серьёзной выходки они случайно найдут ключик в пыльном месте почти на виду. А ведь

примут находку за большую удачу! И вот они уверены в том, что стоит им отворить замок — и там их ждёт раскрытый поверженный злодей, который очевидно имеет запасной ключ. Но они ворвутся в пустую комнатку, где только паутина и кочерга. Ради такого разочарования даже со своей самой лучшей шпионской точкой не жаль расставаться. Обожаю этот момент!

Да, и вот... заверив в абсолютной безопасности, псевдо-сыщик ушёл туда, где действительно безопасно, оставив напуганных супругов одних в большом замке... со мной. Чем теперь займутся любители сандвичей — отправятся развешивать паутину по углам, вдохновившись интерьером моей подсобки?

Всегда одно и то же. Я изгонял их абсолютно всех!

Ну почти всех, если вспомнить звездочёта. Конечно, он не был тем самым звездочётом, но кличка ему подходила как нельзя кстати. Постоянно его взор был устремлён в чёрное небо через телескоп, его не интересовало то, что происходило внизу. Да, я имел намерение его напугать и прогнать, как и всех, но он был такой невнимательный: не замечал ни звуков, ни пятен, прям как эти...

Я помню, как уже собирался подпалить какую-то его вещь, но у него ничего не было, кроме телескопа и книг по астрономии... Книги — это святое, я не смог. Старый книжный червь, я по привычке их пересмотрел и увидел целую книгу, посвящённую одной только Луне. Конечно, я её от-

крыл и начал читать. У нас оказалась общая страсть — мы оба разделяли любовь к Луне. Тут я и решил его оставить. К тому же он не тащил в мой дом всякий хлам, только телескоп и несколько книг. Не примерял на себя фальшивую маску аристократа, попивая вино, якобы узнавая скрытые нотки дуба в послевкусии. И не шумел. Сидел себе тихонько на крыше или во дворе у телескопа. Я долго не понимал, зачем ему целый средневековый замок: он жил один, да и богат не был — и не скрывал этого. Он не купил имение, а просто арендовал на лето. Весь август он собирался лежать на крыше и смотреть на падающие огоньки. Персеиды — он часто называл их, когда бормотал себе под нос, из его книжки я узнал о них больше. Я понял, что он хотел не замок как статусное владение, а просто высокий дом на отшибе, где фонари не затмят свет звёзд, к которым он хотел стать ближе.

А я хотел стать ближе к нему. Каждую ночь, тоже на крыше, я прятался за дымоходом. Я всё присматривался к нему. Думал, если бы я только мог ему открыться. Если бы он принял меня, мы бы могли жить вместе, вместе смотрели бы на Луну и на звёзды. Ведь это возможно, что меня кто-то не испугается и даст шанс? Такое уже было однажды.

Но потом... Книги по астрономии и телескоп — всё, что осталось после его последнего неосторожного наблюдения. Да... Единственный, кого я принял с тех пор... И он тоже не смог остаться.

Но сейчас ситуация совсем иная. Эти постановщики

слишком самоуверенны и невнимательны по глупости, у них нет ничего общего с любителем Луны. Они наполнены фальшью, у них не будет шанса со мной примириться. Сегодня я сделаю что-нибудь пострашнее, может, они исчезнут ещё на неделю. Например...

Ну вот, только хотел погрузиться в будоражащие кровь раздумья о своих гениальных трюках, как меня обязательно прервёт какой-нибудь шум. На сей раз это лязг металла со двора. Из дымовой шахты неплохо слышно то, что происходит во дворе, но звука недостаточно. Я хочу знать наверняка, что это за до боли знакомый звон, такой похожий на лязг ужасных цепей.

Конечно, вся семья там. Дети бегают и кричат, а взрослые с умным видом занимаются очередной глупостью — художественно раскладывают толстую цепь по двору. Они даже спорят о том, как именно она должна лежать... Заняться им больше нечем!

Цепи придуманы лишь для того, чтобы неволить плоть, сковывая свободу день ото дня всё больше, пока место на цепи не станет привычным. Они держат на расстоянии от мест, что снятся каждую ночь. Просторные луга, дикие леса, а кому-то — домашний очаг. Даже если дело не в самом очаге, а в том, кто греется у огня рядом с тобой. Языки пламени своим танцем набрасывают на страницы книги ажурную вуаль света, такую изменчивую. И любые слова, что только могут быть написаны, оживают под пронизательным взглядом ог-

ня. Но усталость берёт верх над любопытством, и стоит захлопнуться книге в нежных детских руках, как того, кто жадно слушал каждое слово, выдворяют прочь. Железная цепь выносит приговор каждый вечер, обрекая проводить длинные холодные ночи в одиночестве, смотря на дым из труб каминов. Снаружи.

Это наблюдение пробуждает во мне очень старые болезненные воспоминания. Я не хочу больше смотреть.

* * *

Надо признать, с появлением этой семейки моя жизнь перестала быть однообразной. Теперь каждый день может обернуться чем угодно.

Сейчас они очень настойчиво возятся с инструментами в большом зале. По шороху дерева о каменные стены я предполагаю, что началась примерка картины, о которой уже шла речь. Ведь именно возле моей двери решили повесить некое произведение искусства.

Я могу для приличия поиграть в угадалки «Что же там?». Пейзаж окрестностей? Портрет одного из сеньоров — основателя? Хотя нет, века не пощадили холсты, запечатлевшие память о нём. Какая-нибудь дама в пышном платье? Мои предположения забавы ради, ведь, зная их напыщенность, я и так убеждён, что «хозяева» задумали повесить собственный семейный портрет — в подражание сеньорам. Будто замок для того и нужен — служить фоном для их самолюбия и тщеславия.

— Брррррррр.

Как замечательно, что уже вечер, — значит, выставочники скоро уедут, и я смогу не только раскритиковать каждый мазок, но и внести правки.

Дом наконец опустел, и летучие мыши разрезают тёмно-синее небо своими крыльями — самое время посмотреть, что же изображено на холсте.

Что-то? Это не семейный портрет! Где глупые лица в вычурных нарядах? Где неестественные положения, при позировании в которых устают даже уши? Пусть это была бы копия портрета одного из де Люнвонтель... Или хотя бы просто пейзаж... Что угодно, но здесь не должно висеть это!

На полотне запечатлена молодая девушка в длинном голубом платье, она стоит в саду рядом с сидящим бордовым драконом. Он такой огромный — выше её роста! Одной рукой она пытается обхватить могучую шею дракона, а второй касается так, словно хочет дотронуться до его души. Её лицо кажется умиротворённым, и дракон, несмотря на свои клыки, кажется душкой. И этот пейзаж — они, наверное, в лесу на прогулке. Погода хорошая.

Неужели именно так выглядели мои предки во времена, когда драконы были большими и сильными? Правда, одно не сходится с тем, что я знаю: тогда у них были мощные крылья. Это я знаю, так как во всех рассказах и на детских рисунках Маргерит драконы парили высоко в небе. Она говорила, что они могли долететь до самой Луны, создавая такой большой

ветер, что он чуть не сносил ветхие постройки. Она рисовала драконов большими, больше чем лошади, и мне обещала, что я вырасту таким же. Но шли годы, Маргерит росла, а по мне всё более становилось понятно, что мне не суждено поравняться даже с крупной собакой.

Девушка и дракон на картине совсем как я и Маргерит. Хотя внешне девушка не похожа на неё, да и я... я намного, в разы меньше, чем этот дракон. Но та невидимая связь между ними — я знаю её. Я чувствовал то же самое. Мы были так же неотделимы друг от друга, как бы нелепо это ни звучало. Меня называли её питомцем, но я был больше, чем питомец, я был её лучшим другом. Было время, когда я любил её больше всего на свете, мог всё стерпеть: пинки, заточения и цепь, лишь бы хоть иногда быть рядом. Но всё оборвалось одним днём.

Маргерит. Я запретил себе вспоминать даже одно её имя, но с появлением этих чёртовых новых владельцев всё вокруг стало пробивать меня на воспоминания о ней... Имя Маргерит в записной книжке над зарисовкой комнаты, картина, на которой дружны девушка и дракон, даже словари — теперь всё кажется обращённым к нашей давней истории. Слишком много совпадений. Кто прознал про нас? Постановщики, это они сами всё придумали? Или их надоумил сам дьявол? И зачем так переврали? Спустя более чем триста лет ворошат прошлое... зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.